

В последние годы в печати появилось немало статей и очерков, в которых последовательно проводилась одна идея: писатель стал послушным слугой утвердившегося в стране режима. Один из авторов безоговорочно утверждал даже, что Горький всегда и во всем с политикой Ленина и Сталина был согласен.

Критическое осмысление нашего исторического прошлого насущно необходимо. Но критику, основанную на фактах и документах, следует отличать от крайностей нигилистически-популистского толка. Что касается М. Горького, то перед нами очень сложная фигура, человек трагической судьбы. В его мировоззрении много противоречий, он совершил немало ошибок. Но это были ошибки поиска, обусловленные в первую очередь головоломной сложностью исторических обстоятельств.

Предлагаем вниманию читателя фрагмент из биографического повествования доктора филологических наук Вадима Баранова «Горький без грима», которое готовится к печати в одном из российских издательств. Мы не случайно адресуем читателю рассказ о событиях периода гражданской войны, когда чрезвычайно ярко и действительно проявилось подвижническое стремление М. Горького принести максимальную пользу не только интеллигенции, но и огромным массам русского народа в условиях постигшего страну ужасающего голода.

...Откуда только не получал он писем в ту трудную пору... Вот и еще одно, доставленное почтой в Петроград, на Коновверский проспект, из Сергиева Посада. От Василия Розанова, которого Горький считал «замечательнейшим мыслителем».

Разорвал конверт, и словно могильным холодом пахнуло. «Максимушка, спаси меня от последнего отчаяния, — если уж и не с того света, то с самой окраины этого, с последней, пограничной черты, зывал Василий Васильевич. — Квартира не топтана, и дров нету; дочки смстят на последний кусочек сахара около холодного самовара; жена лежит полупарализованная и смотрит тускло на меня. Испуганные детские глаза... Максимушка, родной, как быть? Это уже многие письма я пишу тебе, но сейчас пошло, кажется, а то все овал. У меня же 20 книг, но «не идут», как-то забастовка книготорговцев. Максимушка, что же делать, чтобы «шли»... Максимушка, я хватаюсь за твои руки. Ты знаешь, что значит хвататься за руки? Я не понимаю, ни как жить, ни как быть. Гибну, гибну, гибну...»

И — погиб. А мог бы и выжить, обратиться за помощью к Горькому чуть раньше.

А с другой стороны, сколько еще было их, русских писателей, интеллигентов, не способных к переломанному быту, которых надлежало спасать от гибели! И он делал это, делал изо всех сил.

Чего стоили, к примеру, хлопоты о том, чтобы выпустить Блока на лечение в Финляндию! Переговоры с Луначарским. Доклад Ленину. И тот и другой согласие дали. И тем не менее Политбюро поддержало предложение Менжинского о невыезде. В негодовании Горький вновь обращается к Луначарскому. Разрешение наконец было получено, но началась волокита по поводу выезда жены Блока. Короче, когда доверенное лицо собиралось ехать в Москву за паспортами, 7 августа Блок скончался.

Отдавая должное Горькому, Ф. Шляпин свидетельствует в одном из писем 1918 года: «Если б ты знала, сколько народа через его просьбы сейчас освобождено от тюрьмы. Хороший он человек».

Чтобы помочь людям, приходилось прибегать к различным уловкам. Как-то явилась плачущая женщина, потребовала встречи с писателем. Оказалось, — начинающая поэтесса, мать грудного ребенка, которому нужно молоко. Горький написал соответствующую записку, а для большего успеха дела добавил, что это его незаконный ребенок и что он, естественно, подобное пикантное обстоятельство просит сохранить в тайне.

Благодарная поэтесса ушла, а сын ее, не без помощи Горького, выжил в голодном Петрограде. Однако с такими же просьбами обращались к Горькому и другие женщины-матери, и, хлопоча за их детей, он прибегал к таким же мотивировкам. Наконец распределитель продуктов не выдержал и заявил, что не в состоянии снабдить молоком такое количество «детей» Горького.

Подвижническая деятельность писателя не всегда встречала понимание, особенно со стороны людей, настроенных к революции непримиримо враждебно. В ноябре 1920 года Д. Мережковский опубликовал в газете «Последние новости» открытое письмо Г. Уэллсу. В нем он доложил до утверждения, что Горький даже хуже большевиков, так как если те убивают

вает дикими безобразия, «которые за последние дни творятся в Петербурге, окончательно компрометируют власть, возбуждая всеобщую ненависть и презрение к ее трусости».

Горький прилагал все силы, чтобы препятствовать разгулу беззаконий, хотя и понимал, что успехи его в этом деле имеют весьма ограниченный характер и, к сожалению, не меняют общего положения вещей. Тем не менее он продолжал считать: бездействие недопустимо. Особенно ярко эта черта его характера проявилась летом 1921 года, когда в России разразился страшный голод. Президиум ВЦИК вынужден был выступить 12 июля со специальным обращением «Ко всем гражданам РСФСР».

Руководство быстро убедил

газетах нас превозносили (очевидно, уже считали «своими»), а нашими именами уязвляли непошедших».

На первых порах деятельность Комитета оказалась достаточно эффективной. России большую помощь оказали Международный Красный Крест, во главе которого стоял Фриц Хофмансен, американская благотворительная организация АРА.

Но социальное размежевание по принципу «мы» и «они» чувствовалось в работе Комитета во всем. «Наших», — пишет Б. Зайцев. — было числом гораздо больше: профессора, статистики, агрономы, общественные деятели — вроде парламента». Вот это-то «вроде парламента», т. е. органа, могущего претендовать на реальную власть, в первую очередь и не устраивало

«МАКСИМУШКА, Я ХВАТАЮСЬ ЗА ТВОИ РУКИ...»

Завтра исполняется 125 лет со дня рождения М. Горького

тела, то этот убивает и растлевает души.

Тогда же у Горького состоялся важный разговор с К. Чуковским, содержание которого критик прилежно занес в свой дневник. «Я знаю, — сказал Горький, — что меня не должны любить, не могут любить, — и примирился с этим. Такая моя роль. Я ведь и в самом деле часто бываю двойствен. Никогда прежде я не лукавил, а теперь с нашей властью мне приходится лукавить, лгать, притворяться. Я знаю, что иначе нельзя!» «Я сидел ошеломленный», — заканчивает мемуарист свою запись, сделанную 3 октября 1920 года.

Говоря так, Горький еще не мог знать, к какому-то куда более сложному — лукавству в отношениях с новой властью ему придется прибегать позже. А пока он решительно отложил в сторону перо художника и стал газетчиком. Почти что поденщиком. Как в молодости, во времена Нижегородской выставки, во все уголки которой заглядывал неутомимый долговязый репортер в широкополой шляпе и крылатке. Только поводы для выступлений теперь стали несравненно значительнее! В газете «Новая жизнь», за редактирование которой взялся весной семнадцатого и которую большевики «прихлопнули» через год с небольшим, он постоянно печатал корреспонденции, которые потом объединил в книгу «Несвоевременные мысли», снабдив ее подзаголовком «Заметки о революции и культуре».

Вся она, с начала до конца, была пронизана тревогой и болью за то, что разрушительные силы, вызванные к жизни революцией, могут нанести непоправимый ущерб духовной культуре, главной общественной ценности, и ее творцу — интеллигенции.

Люди, читавшие «Несвоевременные мысли» и дивившиеся смелости писателя, резкости его обвинений, бросаемых большевикам, не могли знать, что Горький в переписке с руководителями страны вел временами полемичку и куда более резкую. Полемичку на пределе возможного. А может, и за его пределами!

Лишь недавно увидели свет некоторые письма Горького руководителям страны. Так, сообщив в октябре 1919 года Ф. Дзержинскому о том, что написал Ленину по поводу «арестов представителей науки», Горький заключает: «...я смотрю на эти аресты как на варварство, как на истребление лучшего мозга страны и заявляю в конце письма, что Советская власть вызывает у меня враждебное отношение к ней».

Г. Зиновьеву в том же 1919 году было отправлено письмо, равного которому по резкости трудно отыскать в чьем-либо писательском эпистолярии. «На мой взгляд, — пишет М. Горький, — аресты ученых не могут быть оправданы никакими соображениями политики, если не подразумевается под ними безумный и животный страх за целостность шкуры тех людей, которые производят аресты», Горький назы-

валось, что в условиях внешнеполитической изоляции внутренних мер для борьбы с бедствием будет явно недостаточно.

28 июня 1921 г. Ленин писал наркомму продовольствия И. А. Теодоровичу: «От Горького поступил проект «Комиссии помощи голодающим».

Возьмите у Рыкова через 1/4 часа, когда он прочтет.

Завтра в Политбюро решим. Созвонитесь с Молотовым, чтобы завтра вам дать 5 минут.

Мне лично кажется, что можно соединить наш и горьковский проект».

И действительно, на другой день, 29 июня, Политбюро в принципе одобрило горьковский проект, а 21 июля ВЦИК принял постановление учредить «Всеобщий Комитет помощи голодающим в целях борьбы с голодом и другими последствиями неурожая». Это непомерно громоздкое наименование очень быстро превратилось в быту в сокращенное Помгол (совсем в духе того времени).

Чтобы понять характер этого уникального учреждения, вспомним, каков был его состав. Председатель — Л. Б. Каменев. Вошли в Комитет и другие члены правительства: А. Рыков, Л. Красин, А. Луначарский, И. Теодорович, М. Литвинов (всего 12 человек). Наряду с ними в Помголе была широко представлена научная и культурная общественность (академики, писатели, артисты). Важно, что сочли возможным ввести в состав организации людей, в недалеком прошлом являвшихся видными представителями таких партий, как кадеты (С. Прокопович, Н. Кутлер, Ф. Головин, Н. Кишкин), эсеры (Е. Кускова).

Подобного рода союз многим в пору торжества политической конформации мог показаться неожиданным и даже противостественным, и потому официальная печать поспешила заверить, что Советская власть отлично понимает подлинное, оппозиционное умонастроение общественных деятелей подобного рода, но «приветствует гуманные тенденции и не боится задних мыслей» (К. Радек).

Однако очень скоро ход событий показал, насколько обоснованными являются слова, будто власти не бояться «задних мыслей» в сознании интеллигенции. Интересные материалы на этот счет содержатся в изданной в Мюнхене книге воспоминаний «Москва» известного русского прозаика Б. Зайцева, участника тех событий.

Писатель рисует выразительную картину внутренней напряженности, которая возникла в умонастроениях интеллигенции сразу с момента образования Комитета. «На другой день уже весь город знал о Комитете. Тогда еще считалось, что «они» вот-вот падут. Поэтому Комитет мгновенно разросся. Было целое течение, считавшее, что это — в замаскированном виде — будущее правительство! Другие ругали нас, среди них С. П. Мельгунов, за «соглашательство»: ведь мы должны были работать под покровительством Льва Борисовича (Каменева. — В. Б.)... На следующий день в

большевиков. Неприемлемость для руководства ориентаций Комитета предельно обнажилась после того, как «мы» начали настаивать, «чтобы была послана в Европу делегация от Комитета, чтобы можно было собрать там денег, раздобыть хлеба и двинуть в голодные места». Когда же осуществление подобного вполне разумного требования «общественности» было предьявлено как непременное условие дальнейшей деятельности Комитета, он был немедленно распущен. Его ликвидировали по требованию Ленина, в категорической форме выраженному в письме на имя Сталина и всех членов Политбюро от 26 августа 1921 года.

Мало того, что Помгол распустили. Многих деятельных членов Комитета, таких, как Прокопович, Кускова, Кишкин, тот же Б. Зайцев, Осоргин и другие, арестовали.

Для Горького все это было ударом колоссальной силы. Е. Кускова, с которой он познакомился еще в Нижнем 90-х годов, вспоминает: узнав о готовящемся аресте, Горький поспешил к ней, чтоб предупредить о беде... На нем лица не было: ведь его могли счесть за провокатора, который заманил в ловушку людей, решивших в бедственной ситуации помочь своему народу, встав выше политических амбиций. А Горький? Он оставался на свободе!

Горький знал, что Ленин и другие из его окружения называли Комитет уничтожительно «Кукиш». По первому слогу от фамилий: Кускова, Кишкин. И вот теперь с самым настоящим кукишем, да еще каким, остается он, Горький!

Писатель все силы приложил к тому, чтобы члены Комитета были освобождены. А в целом история Помгола убедила его, что художнику не преодолеть деспотизм политики. Горький понял, что дальнейший диалог с руководством не сулит благоприятных результатов, и 16 октября 1921 года он выезжает в Германию.

Мысленно восстанавливая вскоре недавние драматические события, Горький не мог пройти мимо краткого ленинского письма, написанного 9 августа, в разгар борьбы вокруг Помгола. В нем вождь упорно настаивал, чтобы Горький выехал за границу. «...У Вас кровахарканье, и Вы не едете! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально».

В Европе в хорошем санатории будете и лечиться и втрое больше дела делать... А у нас ни лечения, ни дела — одна суетня. Зряшная суетня. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямец, прошу Вас.

Ваш Ленин».

Что значит — втрое больше дела? Какого? И что — помощь умирающим от голода россиянам — тоже зряшная суетня?

Теперь, в октябре, покидая родину, Горький отлично понимал, что ленинское настояние о выезде именно тогда было не случайно. Вождь стремился изо всех сил отделить Горького от Помгола, прежде чем окончательно разгромить его...